

# Дети и детство евангельских христиан-баптистов в условиях позднего советского времени (1960е-80е годы)\*

Елена ПАНИЧ, Донецк, Украина

© Е. Панич, 2012

Детство – это особенный период в жизни человека. В это время параллельно с динамическими физиологическими изменениями (рост, взросление) происходит усиленная социализация личности, усвоение базовых правил поведения, норм и ценностей общества<sup>[1]</sup>. В современной антропологии и психологии детство часто рассматривается как особое социальное явление, находящееся в системе многочисленных функциональных и культурных связей. Мир детства<sup>[2]</sup> отражает мир взрослых, тесно взаимодействует с ним, но одновременно становится источником формирования собственной субкультуры, под которой «понимается в широком смысле все, что создано обществом для детей и детьми».<sup>[3]</sup> Детство влияет на мир взрослых, в частности, тем, что побуждает его чаще размышлять и формулировать ответы на вопросы о ценности и временности жизни, ее осмысленности. При этом взрослые, чаще всего, воспринимают детей именно как объект, усваивающий представления и нормы, игнорируя или отрицая их субъектное право влиять на устройство социальных отношений. Ввиду этого дети и детство видятся взрослым, прежде всего, через призму целей и задач воспитания.

*\*Статья подготовлена в рамках специального научного проекта, осуществляемого при поддержке исследовательского центра ЕААА. Автор выражает искреннюю благодарность А.В. Сичичкину, П.Д. Минаеву, С.М. Шаттале, Е.А. Гончаровой, Л.А. Прокофьевой за предоставление ценных материалов и интервью, использованных при написании этой работы.*

<sup>[1]</sup> Корнилова В.В. Особое состояние развития – детство // Практична психология та соціальна робота. – 2009. – № 12. – С. 71-73.

<sup>[2]</sup> Термин широко употребляем в антропологии. См.: Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения. - М.: Наука, 1988. - 429 с.

<sup>[3]</sup> Абраменкова В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2000. – С. 92.



**Панич Елена Ивановна**, кандидат исторических наук, доцент, проректор по научной работе Донецкого христианского университета, стипендиат программы Фулбрайта. Автор около 50 научных и научно-популярных статей по истории евангельского движения в Украине и СССР. В своих исследованиях широко использует методы социологии и культурной антропологии. Замужем, имеет дочь. E-mail: olenadn@yahoo.com

Воспитание детей является одним из ключевых механизмов передачи религиозной традиции<sup>[4]</sup>. В протестантизме, в частности его евангельских направлениях, к которым принадлежат и евангельские христиане-баптисты<sup>[5]</sup>, ему придают исключительно большое значение. Считается, что именно в результате христианского воспитания ребенок имеет больше шансов в более взрослом возрасте сделать сознательный выбор в пользу присоединения к церкви-общине. Но восприятие детьми христианских ценностей не может быть простым и однозначным, особенно в условиях, когда этому целенаправленно противостоит секулярное государство и общество. Такими были условия советского времени, особенно позднего периода, т.е. 1960х-80х годов.

Почти с самого начала своего существования советское государство толковало воспитание детей как предмет политического значения. Все отношения, связанные с детством, постепенно становились объектом государственного регулирования<sup>[6]</sup>. Соответственно, церкви и религиозные организации, стремящиеся влиять на формирование подрастающего поколения, воспринимались советской властью, как конкуренты и враги. «Ограждение детей и молодежи от влияния религии всегда было и остается важной задачей государственных органов и общественных организаций», – отмечалось в советских официальных документах<sup>[7]</sup>. Воспитание детей верующими квалифицировалось государством как «религиозная пропаганда» и существенно ограничивалось. Преследование верующих за коллективное христианское воспитание детей стало важным фактором, определяющим саму атмосферу, в которой росли дети верующих того времени.

Особенностью позднего советского периода была развернутая в государственном масштабе пропагандистская кампания, направленная на атеистическое воспитание всего общества и известная как политика «научного атеизма». Во всем Советском Союзе, как взрослые, так и дети, не могли избежать идеологического влияния «научно-атеистической пропаганды». Но детей верующих это касалось особенно потому, как они часто оказывались в фокусе внимания советских социализирующих институтов, таких как школа, детские и подростковые коммунистические организации, уличные детские и подростковые коллективы. По существу дети верующих многие годы воспитывались в условиях постоянного конфликта между мировоззренческими ценностями родителей и советского государства-общества. Такой конфликт не мог не отражаться на их внутреннем мире, на особенностях их мировосприятия и характере выстраиваемых ими отношений в будущем, т.е. в

<sup>[4]</sup> О сущности традиции более детально см.: Shils, Edward, *Tradition* (Chicago: University of Chicago Press, 1981).

<sup>[5]</sup> Об истории евангельских христиан-баптистов более детально см.: История баптизма. Сб. под ред. С.Санникова. – Одесса: «Богомыслие», 1996., Савинский С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии. В 2 ч. – СПб.: «Библия для всех», 1999.

<sup>[6]</sup> Ромашова М. В. Советское детство в 1945 – середине 1950-х гг.: государственные проекты и провинциальные практики (по материалам Молотовской области). Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. – Пермь: Пермский государственный университет, 2006. – 29 с.

<sup>[7]</sup> Гольст Г.Р. Религия и закон. – М.: «Юридическая литература», 1975. – С. 38.

послесоветское время. Существующее сегодня сообщество евангельских христиан-баптистов и, в частности, его лидеры состоят в значительной степени из верующих с «советским детством». Это определяет современный облик этого сообщества, характер функционирования поместных церквей и союзов. Все это обуславливает актуальность изучения детства верующих в «позднее» советское время с его особенностями и противоречиями.

Многогранность феномена детства не позволяет охватить его целиком в данной работе. Например, вопросы, касающиеся отношений детей верующих в рамках различных возрастных и половых групп, мы не будем рассматривать, т.к. это тема, достойная отдельного, масштабного исследования. Однако нам хотелось бы выделить некоторые аспекты, прежде всего, касающиеся взаимодействия мира взрослых и мира детства в среде верующих, характерные черты этого взаимодействия. Главной целью работы является показать какие нормативные ценности и каким образом пытались привить детям верующие родители и баптистская церковь в эпоху позднего советского времени, а также характер тех ценностных конфликтов, которые приходилось преодолевать детям верующих в это время. В этой работе будет предпринята попытка увидеть ребенка из верующей семьи в трех системах взаимоотношений: церковь, семья и «внешний мир» или советское общество.

В качестве первоисточников в процессе написания данной работы используются воспоминания верующих (письменные и устные), а также детская литература данного периода, которую автору удалось найти в ходе личных наблюдений и исследований. Отдельную ценность также имеют архивные документы, законодательство, пресса и др. В силу особых обстоятельств большинство первоисточников относится к деятельности «подпольного» крыла конфессии евангельских христиан-баптистов, т.е. сторонников Совета Церквей ЕХБ. Это обусловлено, прежде всего, характером деятельности этого христианского направления, тем обилием источников, касающихся данной проблематики, которые появились в результате его деятельности и еще не поддавались научному анализу. Однако ввиду общности духовно-мировоззренческих и теологических установок, выводы, касающиеся «отделенного» крыла ЕХБ, с известной долей условности можно экстраполировать на все братство евангельских христиан-баптистов как религиозное и культурное сообщество<sup>[8]</sup>.

## Дети и Церковь евангельских христиан-баптистов

В евангельско-баптистской традиции дети – необходимая часть целостного представления о мире. Они интегрированы в своего рода «символический универсум»,<sup>[9]</sup> который объясняет, легитимизирует их место и роль в сообществе.

<sup>[8]</sup> В данном случае я использую концепцию К. Гирца, который рассматривал религию как культурную систему. См. более детально: Гірка К. Інтерпретація культури. Вибрані есе. – К.: Дух і Літера, 2001. – С. 104-150.

<sup>[9]</sup> Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социоло-

гии знания. – М.: “Медиум”, 1995. – С. 61-70. О мировоззренческих установках евангельских христиан-баптистов см. также: Павленко В.Н., Ваннер К. Особенности психологии евангельских христиан-баптистов. // Вопросы психологии. – 2004. – №5. – С. 72-86.

шестве верующих и в системе существующих в нем и вокруг него взаимоотношений. В советское время, как и сейчас, этот комплекс воззрений формировался богословами и авторитетными членами сообщества и закреплялся в практиках повседневной жизни.

Мировоззренчески ценность детей определялась наличием у них важных, типично «детских» черт характера – доверчивости, бескорыстности, искренности. Ребенок не сомневается, не ищет противоречий и несогласий, он скорее склонен поверить в Бога, Христа и Его искупление. Также он легче, чем взрослый, признает себя слабым и готов доверить свою жизнь Богу. Проповедники неоднократно называют верующих «детьми Божьими», подчеркивая таким образом, что сообщество ожидает от своих членов сохранения элементов «детского» отношения к жизни и к Богу. Журнал Братский вестник упоминает детей таким образом: «Для объяснения закона о величии людей в Царстве Божием Иисус Христос, «взяв дитя, поставил его посреди них» и сказал: «Кто примет одного из таких детей во имя Мое, тот принимает Меня; а кто Меня примет, тот не Меня принимает, но Пославшего Меня» – Мр. 9, 37. «Итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» – Мф. 18, 4. В Царстве Небесном высоко ценят свойства детского характера. Подобно тому, как ребенок не думает о своем положении, так и человек, который на самом деле лучше других, просто не думает об этом. Иисус Христос учит, что готовность служить ближним должна проявляться у учеников в оказании внимания и помощи детям, а также слабым и немощным. И все это нужно совершать «во имя Иисуса». При чем принимающий слабых принимает Иисуса Христа».<sup>[10]</sup> Однако дети бывают также непостоянными, капризными, эгоцентричными. В другом месте находим такие рассуждения: «Мы тоже иногда, как капризные дети, настойчиво добиваемся для себя таких привилегий, без которых вполне бы можно обойтись».<sup>[11]</sup>

Греховность детей считалась самоочевидной.

«Разве дети не то же самое, что и взрослые? – писал журнал «Вестник спасения». – Или, вернее, взрослые разве не вырастают из детей? Все палачи, садисты, Ироды, Нероны, Гитлеры разве не были когда-то невинными детками, которые беззаботно забавлялись на коленях своих матерей? Из людей никто не знал, что из них будет в будущем, но Бог знал. Были ли они невинными в глазах Божьих? Невинных детей нет, потому что в каждом ребенке скрыты зародыши зла».<sup>[12]</sup>

Однако в быту было распространено представление, что ребенок в случае смерти скорее попадет в рай, а не в ад<sup>[13]</sup>. Следовательно, он еще не грешен настолько, как взрослый. Он как бы несет на себе «печать» первородного греха, и склонен вырасти грешником. Поэтому очень важно его воспитать правильно. Детям, родители, близкие родственники или опекуны которых были

<sup>[10]</sup> Братский вестник. – 1978. – №5. – С. 11.

<sup>[11]</sup> Там же. – С. 21.

<sup>[12]</sup> Вестник спасения. – 1973. – №3(43). – С. 21.

<sup>[13]</sup> Особенно это касалось детей верующих родителей. Последние были убеждены, что встретят своих детей «на небе».

членами церкви, при этом уделялось особое внимание. Именно на воспитание таких детей, их интеграцию в церковно-общинную жизнь были направлены усилия сообщества. Об общем количестве таких детей в 1960-е-80-е гг., по причине отсутствия официальной статистики, мы имеем немного сведений. На основании источников более позднего времени можно предположить, что идет речь приблизительно о количестве от 45 до 55 тысяч детей в возрасте до 15 лет по Украине и от 130 до 150 тысяч – по СССР.<sup>[14]</sup>

Воспитание в среде евангельских христиан-баптистов в стратегической перспективе должно было содействовать тому, чтобы ребенок в более взрослом возрасте был готов осуществить обращение к Богу, сопровождающееся публичным покаянием в поместной церкви. В баптизме, как и в других конфессиях, для которых обращение и покаяние являются значимыми элементами вероисповедания, жизнь человека представляется очень четко разделенной на жизнь до покаяния («жизнь неспасенного грешника») и после покаяния («жизнь спасенного праведника»)<sup>[15]</sup>. Только после покаяния человек может быть крещен «по вере» и стать полноправным членом поместной церкви-общины. Ребенок не может считаться таким и, соответственно, не имеет права принимать участие в двух основных священнодействиях – крещении и хлебопреломлении (Вечеря Господня)<sup>[16]</sup>.

Момент обращения к Господу должен был восприниматься как главный, центральный, вокруг которого вьются и к которому ведут тонкие нити повседневного опыта жизни ребенка из верующей семьи. Минимальный легитимный возраст для публичного покаяния – 12 лет. Наиболее распространенный возраст для детей из среды верующих – с 14 до 18 лет. Хотя есть свидетельства, что дети переживали покаяние и в более раннем возрасте, в 10 или 8 лет, и даже раньше.

Обращение и покаяние представляют собой некий поворотный момент в жизни человека, когда он более-менее сознательно принимает для себя не только исповедание, но и новый образ жизни. В интерпретации евангельских христиан-баптистов, как пишет А. Попов, жизнь верующего после покаяния должна была характеризоваться христианской духовностью, выраженной в четырех измерениях, таких как: «дружба со Христом» (отречение от «мирских» ценностей), «практики посвящения» (активная молитвенная

<sup>[14]</sup> Статистика постсоветского и современного периода показывает, что количество детей, опекаемых евангельско-баптистским сообществом, приблизительно составляет 55-56% по отношению к общему числу верующих. (См.: Офіційний сайт ВСЦ ЄХБ [http://ecbua.info/]; Вестник Истины. – 2011. - №2. – С. 14). Вполне вероятно, что это соотношение имело место и в позднее советское время. Исходя из этого, сделаны данные расчеты.

<sup>[15]</sup> Такое понимание покаяния характерно для ряда религиозных конфессий, которые имеют свои корни в протестантизме. См.:

Paloutzian, R.F., Richardson, J.T. and Rambo, L.R. 'Religious conversion and personality change', *Journal of Personality*, (1999), 67, 6, pp. 1047–1079; Rambo, L.R. *Understanding Religious Conversion* (New Haven, Yale University Press, 1993); Lofland, J. and Skonovd, N. 'Conversion motifs', *Journal for the Scientific Study of Religion*, (1981), 20, pp. 373–85.

<sup>[16]</sup> Основные принципы веры евангельских христиан-баптистов. Сборник публикаций. – Elkhart: Russian Gospel Ministries, 1992. – С. 7-10.

жизнь), участие в поместной церкви и страдание<sup>[17]</sup>. При этом, детей евангельских христиан-баптистов с самого начала приобщали к особенностям жизни взрослых. Ожидалось, что ребенок верующих родителей уже в детском возрасте будет вести «духовную жизнь», несмотря на то, что это жизнь еще до покаяния. Но все же в момент покаяния он должен осознавать себя грешником и уметь противопоставить свою жизнь до покаяния жизни после покаяния. Это, на первый взгляд, нелогичное, но богословски обоснованное требование, на практике находило свое воплощение в том, понятие «греха» всегда можно было толковать достаточно широко: всегда было в чем «каяться» (имея в виду конкретные проступки или признаки человеческого несовершенства) и свидетельствовать, как Господь тебя исправляет.

Вот как вспоминал об этом пресвитер С.М. Шаптала:

*«Первый раз я обратился к Господу в молитве покаяния, когда мне было 8 лет. В это время у меня уже было в чем каяться, старшие мои друзья из верующих семей уже научили меня играть в карты и домино, а также я уже пристрастился к курению. В тот день, когда я покался, в нашу церковь приехал брат Павел Тимофеевич Рытиков. Он только освободился из мест заключения за веру в Господа. Это было вечернее служение. Он проповедовал о чистоте церкви и готовности верующих ко встрече с Господом. Отрывок из Священного Писания который он взял для проповеди был записан в книге Откровения Святого апостола Иоанна, послание семи церквям. Он перечислял некоторые вещи, за которые Христос обличал церкви и призывал к покаянию. Для меня было страшно быть в вечности без Бога, ведь у меня тоже нет первой любви, я тоже колеблюсь, «ни холоден, ни горяч», мне нравится с друзьями заниматься мирскими делами, хотя и в церкви быть мне тоже нравилось. Когда я вышел к покаянию, Павел Тимофеевич удивился и говорит, а что тебе есть в чем каяться? А я плача сказал, что есть в чем каяться, я обманывал родителей, воровал и хулиганил. После молитвы он мне подарил полное Евангелие, Новый Завет с Псалтырем, карманного формата. В то время, не у всех взрослых было личное Евангелие. Я любил читать его и очень дорожил им. Но с 13 лет у меня вновь появились нехорошие друзья, и я опять стал делать греховные поступки. Но при всем этом я всегда верил, что Бог есть, и понимал, что нахожусь в опасном положении. Я планировал, что через какое-то время обязательно приду к Богу. Церковь я посещал всегда. Посещал и разборы слова Божьего. Я заучивал стихи из Библии и псалмы. Но в то же время основной целью моего посещения собрания была встреча со своими друзьями, такими же, как и я. Второе мое обращение было в 17 лет. К этому побудило меня несколько автомобильных аварий, в которых я был участником как водитель мотоцикла, а также и болезнь, от которой меня исцелил Господь. Крещение я принял в 18 лет, и в этом я вижу любвеобильное действие Божьей [благодати]...»<sup>[18]</sup>*

<sup>[17]</sup> Popov Alexander, The Evangelical Christians-Baptists in the Soviet Union as a hermeneutical community: examining the identity of the All-Union Council of the ECB (AUC ECB) through the way the Bible was used

in its publications. The thesis is submitted for the degree of Doctor of Philosophy. University of Wales, International Baptist Theological Seminary, Prague, 2010, pp. 253-263.

Вопрос церковного воспитания детей стал одним из конфликтогенных вопросов в сообществе верующих евангельских христиан-баптистов в СРСР в 1960е годы в связи с ужесточением государственной политики по отношению к религии и церкви. Закон запрещал религиозным объединениям «обучать несовершеннолетних детей религии, привлекать их к участию в хорах, оркестрах, кружках, проводить <...> специальные молитвенные собрания для детей и подростков».<sup>[19]</sup> Нарушением закона считалось также присутствие детей в церкви во время общих богослужений, так как это можно было рассматривать как обучение религии. Ситуация усугубилась с принятием руководством Союза евангельских христиан-баптистов регламентирующих документов, которыми, в частности, запрещалась евангелизация среди детей. Некоторая часть верующих и служителей, особенно старшего поколения, стала значительно осторожнее относиться к присутствию детей в церкви. Это вызвало острый протест у другой части, которая интерпретировала такую политику как «отступление» от основ евангельской веры, «предательство» лидеров в угоду власти. В идеологическом контексте дискуссия разворачивалась вокруг того, каковым должно быть решение «детского вопроса», чтобы оно служило сохранению церкви?<sup>[20]</sup> С одной стороны, ограничение присутствия детей на богослужениях помогало поместной церкви избежать снятия с регистрации и последующего закрытия, с другой, потеря влияния среди подрастающего поколения грозила в будущем демографическим спадом и фактическим вымиранием церквей. Первый вариант решения по существу мог быть только временным, ситуативным. К нему склонялись в это время лидеры Союза. Однако оппозиционная часть евангельско-баптистского сообщества развернула активную полемику и в конечном итоге добилась частичного пересмотра этого решения, в том числе на государственном уровне. Законодательство не было изменено, но его толкование стало более либеральным.

Власти прекратили тотальное давление на церкви и верующих, когда увидели, что формальное закрытие церквей не приводит к фактическому их исчезновению. При этом они продолжали преследовать так называемых «злостных» нарушителей законодательства о культурах, среди которых часто встречались организаторы детских христианских лагерей и библейских школ, распространители христианской литературы для детей. Нарушение статьи закона, которая, в числе прочего, устанавливала криминальную ответственность за коллективное обучение детей религии, было наиболее распространенным среди верующих. По данным, собранным А. Лахно, эта статья фигурировала в более 50% всех криминальных дел тех, кто были осуждены за нарушения советского законодательства о религии в Украине

<sup>[18]</sup> С.М. Шапала. Советское детство верующего. Сообщение на конференции в Донецком христианском университете 23-24 апреля 2010 г.

<sup>[19]</sup> Гольст Г.Р. Религия и закон. – М.: «Юридическая литература», 1975. – С. 36-37.

<sup>[20]</sup> Заватски В. Евангелическое движение в СССР после Второй мировой войны. – М.: «ИЦ-Гарант», 1995. – С.189-300; См. также: По пути возрождения. – М.: Изд-во «Христианин» СЦ ЕХБ, 1989. – 82 с.

в 1960е-80е годы<sup>[21]</sup>. Это значительный перевес в сравнении с другими статьями этого законодательства.

Со временем внутри сообщества евангельских христиан-баптистов острота дискуссий по этому вопросу спала, но право осуществлять христианское воспитание детей приходилось защищать все время, в частности, в дискуссиях с «научными атеистами». Тут проявилось существенное расхождение в видении христианского воспитания. Верующие представляли его задачи в этико-практической плоскости, в то время как «научный атеизм» видел их исключительно идейно-догматическими. Из аргументов, которые были озвучены в ответ на требования советских властей оградить детей от религиозного влияния, высказывались, например, следующие: «учить детей вере и послушанию Богу это все равно, что учить их не играть с огнем. Никому не придет в голову рассказывать об огне и его опасностях только тем, кто старше 18 лет»<sup>[22]</sup>.

Существовали типичные практики воспитания детей в церкви – воскресные школы и группы по изучению Библии, подготовки к участию в служении. В церкви стремились создать специальные места, удобные для занятий с детьми, создать интересную, привлекательную атмосферу, которая бы успешно конкурировала с «мирскими» заведениями организованного досуга – игровыми площадками, кружками, пионерскими собраниями и пр. В процессе обучения использовали различные игровые формы, например, библейские викторины, театральные постановки. Учителями были преимущественно женщины. Воспоминания С.М. Шапталы повествуют об этом таким образом:

*«В церкви стали проводить детские занятия. Их проводили две сестры, посвятившие себя на это служение. Мы называли их «тетя Тоня Лобанова» и «тетя Галя Колесниченко». Они поощряли нас заучивать стихи из Священного Писания, учили христианские песни, готовили с нами декламации и христианские постановки на христианские праздники. Иногда мы с ними ходили в поход на природу. В церкви был организован струнный оркестр. Детей также привлекали к тому, что бы обучать игре на инструментах, так как в музыкальные школы христиане детей своих не посылали учиться, по причине того, что в основном там изучались произведения, прославляющие коммунистическую партию и вождя пролетариата В.И. Ленина. В дальнейшем был организован и духовой оркестр, а также и другие музыкальные и вокальные группы. С молодежью и подростками проводились занятия по изучению Библии, писали итоговые работы, сдавали экзамены по пройденному материалу. Также проводились кружки по обучению столярному делу для ребят, а для девочек курсы кулинарии, кройки и шитья.»<sup>[23]</sup>*

<sup>[21]</sup> По статье 138 ч. 2 УК УССР (эквивалент ст. 142 УК РСФСР) было осуждено 137 человек-представителей «подпольного крыла» евангельских христиан-баптистов из общего числа судимых 270. Это составляет чуть более 50%. Сроки осуждения в среднем составляли от 2 до 5 лет лагерей общего режима, в

некоторых случаях к ним добавлялись годы ссылки. См.: Лахно О. П. Церковна опозиція Євангельських християн-баптистів в Україні (1940-1980-ті роки). – Полтава : Друкарська майстерня, 2009. – С. 154-162.

<sup>[22]</sup> Вестник спасения. – 1974. – №3(47). – С. 37.

<sup>[23]</sup> С.М. Шапала. Советское детство верующего.



Чтение и изучение Библии было особенно почитаемым занятием. Это обуславливалось как особенностями доктрины евангельских христиан-баптистов, так и тем, что в их церковной организации в то время не было развитых школ толкования Священного Писания. Поэтому библейские стихи старались воспроизводить и толковать максимально близко к тексту, заучивать наизусть, понимать по возможности буквально. Кроме того, Библия служила ориентиром к практической жизни, «библейскость» считалась синонимом святости, духовности. «Библейский взгляд на вещи», «жизнь по Писанию» стали вербальными маркерами коллективной идентичности. Авторитет в обществе напрямую зависел от знания Библии и способности приводить примеры из собственной жизни, удачно иллюстрирующие тексты Священного Писания. К этому приучали и детей.

Ценность библейских чтений усугублялась тем, что Библию как книгу было сложно приобрести. Полный текст Священного Писания не всегда имели даже взрослые, не говоря уже о детях. С подчеркнутым благоговением, как о чем-то исключительно значимом, верующие вспоминают сегодня о том, как им в детские годы удавалось приобрести Библию в полном или частичном формате. Например, Елена Анатольевна Гончарова, дочь пресвитера А.И. Гончарова, получила свое первое личное Евангелие от старшего пресвитера по Донецкой области И.Я. Татарченко в подарок на день рождения. Ей было тогда двенадцать лет.<sup>[24]</sup> Это было Евангелие от Иоанна в виде тоненькой книжечки, помещавшейся в ладони. У детей служителей (пресвитеров, дьяконов) было больше шансов приобрести личный экземпляр Священного Писания, чем у детей «рядовых» членов церкви. Это обеспечивало им, в частности, больше возможностей заработать авторитет среди сверстников, готовя их, таким образом, к будущему лидерству в поместной церкви.

Распространенным было разучивание детьми стихов и песен на христианскую тематику, участие в театральных постановках на библейские сюжеты. Эстетика поэзии и музыки была призвана, прежде всего, влиять на эмоционально-чувственную сферу слушателей. Наиболее часто встречающимся мотивом евангельско-баптистской поэзии для детей, как, впрочем, и для взрослых, был мотив противостояния мира христианства и «мира неверия и греха». Поэтический фольклор утверждал мысль, что приобрести «христианскую веру», сохранить ее, защитить от посягательств внешнего, «безбожного» общества – является самой главной задачей человека, которую необходимо исполнять с детства. Иллюстрацией этого может служить, к примеру, стихотворение такого содержания:

«Я – маленький воин Иисуса,  
Немного и сил у меня!  
Но к правде бессмертной стремлюся,  
К источнику вечного дня».<sup>[25]</sup>

<sup>[24]</sup> Интервью автора с Е.А. Гончаровой, июль 2010 г., г. Донецк.

<sup>[25]</sup> Сборник стихов для детей. Запись 1966-

1972 годов. Авторы не указаны. // Личный архив Е.А. Гончаровой. – С. 44.

Детская поэзия преисполнена образами и метафорами, которые выражают бинарные оппозиции добра и зла, «света» и «тьмы», «правды» и «лжи», самоотверженности и эгоизма, символизирующие два различных мира – мир верующих и мир атеистов. Вторым по значению является мотив страданий. В художественном мире евангельской детской поэзии мир представляется преисполненным страданий христиан. Страдания прямо или косвенно являются результатом влияния или активности «вражеского» атеистического общества, преследующего христиан и борющегося против христианской веры. Еще один не менее важный мотив детской поэзии состоял в постоянном утверждении необходимости распространять свою веру, «благовествовать» или «свидетельствовать» о Христе неверующим. Пример характерного стихотворения:

«Друг мой, если встретишь атеиста злого, –  
Тех, кто отвергает Рождество Христово,  
Укажи им кротко, чтоб не заблуждались:  
Почему яслями детский дом назвали?..»<sup>[26]</sup>

Указывать «атеистам» на их заблуждения, на ложность их взгляда на мир и греховность их «богоотвергающей» деятельности суть главная задача маленького христианина.

В это время существовала также отдельная христианская проза для детей, издаваемая подпольно. Интересным примером такой литературы является трехтомник «Детский друг». Это сборник рассказов для детей, переписанный от руки и растиражированный на примитивном гектографе (в среде верующих этот способ тиражирования получил название «синька»). По некоторым данным, его составителем и, возможно, автором некоторых из его произведений была жительница г. Житомира Н. Л. Шиманская<sup>[27]</sup>. Приблизительное время издания – конец 1960-х гг.

Попробуем проанализировать третий том этого сборника.<sup>[28]</sup> Он представлял собой рождественское издание, в котором значительное количество художественных произведений посвящено рождественской тематике. Всего в сборнике шестьдесят восемь литературных произведений, в том числе стихи, рассказы, повесть. Авторы произведений не указываются. Главные герои – в основном дети в возрастном диапазоне от 2 до 15 лет. В отношении содержания сборник изобилует трагическими сюжетами. В частности, тема смерти присутствует в 22 произведениях из 68. Умирают либо дети, либо их родители, либо другие персонажи. Сюжеты 10 произведений повествуют о болезнях своих героев, столько же рассказывают о детях-сиротах, которых

<sup>[26]</sup> Стихотворение повествует о различии значения слова «ясли» в христианском мире (место, где родился Христос) и в повседневном употреблении (заведение для воспитания маленьких детей). Примечательно, что в тексте слово «злого» слегка зачеркнуто и вместо этого написано «такого». – Сборник стихов для детей. – С. 29.

<sup>[27]</sup> О ней известно, что она была осуждена за распространение детской религиозной литературы и с 1971 по 1974 г. находилась в тюрьме. См.: Ведель Г. Предисловие. // Детский друг. Т. 3. – Кременчуг: Издательство «Христианская заря», 2004. – С. 3.

<sup>[28]</sup> Детский друг. Том III. – Б.м., б.г. – 443 с. // Личный архив С.М. Шапталы.

усыновляют (удочеряют) либо находят родители, или же они получают какую-то помощь от взрослых, главным образом по случаю Рождества. Очень ярко выражен также мотив бедности, нищеты, которая противопоставляется богатству (сюжеты 14 произведений построены на таком противопоставлении). Три рассказа рассказывают о детях, чьи родители находятся в тюрьме. Кроме этого, есть также несколько рассказов, так сказать «позитивного» или нейтрального содержания. В частности, один юмористическо-приключенческий рассказ, несколько духовно-назидательных, один анекдот.<sup>[29]</sup> Заметно, что детская проза отражает советские стереотипы социального неравенства, которые в нерелигиозной детской литературе были воплощены в распространенных в это время переводных художественных произведениях, например, Ч. Диккенза. При этом трагичность сюжетов уравновешивается постоянно присутствующим в рассказах мотивом общения героев с Богом, ожидания помощи от Него и надежды на вечную жизнь и радость после смерти. Заметно также, что с помощью этой литературы проповедуется специфически характерное для евангельско-баптистской традиции понимание духовности.

Из всех произведений сборника особое внимание обращает на себя повесть «Находка»<sup>[30]</sup>. Она существенно более объемна в сравнении с другими произведениями сборника. Сюжет повести сводится к следующему. Мальчик Женя из верующей семьи находит портфель с деньгами и ценностями. Он показывает его своим родителям, и они всей семьей решают отдать портфель владельцу, которого находят по имеющейся у них некоторой информации. Женя приносит портфель его владельцу господину Нью-Ману, попутно знакомясь с его семьей. Эта семья очень богата, но несчастлива в связи с потерей двоих детей, которые незадолго до этого умерли из-за болезни. Нью-Маны стремятся оказать помощь семье Жени. Они приглашают мальчика к себе на Рождество. Он вызывает у них симпатию и сочувствие, в частности, тем, что напоминает им их сына. При этом Женя ведет себя с ними как ребенок с христианским воспитанием: он молится перед едой, рассказывает о своей вере в Бога, поет псалмы. Это очень впечатляет госпожу Нью-Ман. Особенно она в восторге от пения псалмов, которые как-то глубоко касаются ее души. Женя и его семья довольно-таки бедны, но живут хорошо организованной, размеренной жизнью, сохраняя оптимизм и хорошие взаимоотношения. Под впечатлением всего этого г-жа Нью-Ман тоже решает стать христианкой. Впервые она обращается к Богу с молитвой в присутствии членов семьи Жени. Потом она посещает собрание верующих, где совершает публичное покаяние. После этого госпожа Нью-Ман постепенно начинает менять свой образ жизни. Она начинает скромно одеваться, проводит благотворительный рождественский вечер для бедных детей, а еще через какое-то время она приобретает Библию и регулярно читает ее с благоговением. Ее муж проявляет категорическое несогласие с переменой ее взглядов и пред-

<sup>[29]</sup> Примечательно, что в новейшее издание сборника «Детский друг» (2004 г.) эти расска-

зы не вошли.

<sup>[30]</sup> Детский друг. Том III. – С. 74-187.

лагает ей расстаться. Она уходит из дома на квартиру, где продолжает свою жизнь в скромности и благочестии, регулярно посещая собрания верующих, занимаясь благотворительностью, читая Священное Писание. Через какое-то время она заболевает и умирает, успев перед смертью принять водное крещение. Ее муж после расставания с ней уезжает на некоторое время за границу. Узнав, что она больна, он возвращается, но уже не застаёт ее в живых. Будучи чрезвычайно удрученным ее кончиной, он задумывается о Боге и вечности, начинает читать Библию.

Рассказ преисполнен символическими деталями. В частности семья Нью-Манов – немцы, однако их фамилия в переводе с английского означает «новый человек». В контексте понятно, что читатель должен видеть в них людей, постепенно достигающих духовного обновления. Семья Жени – русская, хотя указывается, что у матери все же есть немецкие корни. Это, по всей видимости, должно служить намеком на то, что истинная вера не обязательно должна походить от немцев к русским, но может быть и наоборот. Примечательно также, что госпожа Нью-Ман, приобретая новую веру, становится подчеркнуто бескомпромиссной в отношениях со своей семьей и сознательно идет на лишения и страдания. При этом она ведет себя чрезвычайно кротко и сентиментально, много плачет и вообще страдает перепадами настроения, становится склонной к личной скромности и благотворительности. Почему ее поведение вызвало резкое отвержение со стороны ее мужа из текста повести непонятно. Судя по всему, автор хотел показать, что господин Нью-Ман перестал мыслить рационально и проникся стихийной ненавистью к христианству под влиянием «дьявольского внушения». Своей смертью г-жа Нью-Ман приводит к вере своего мужа. Создается впечатление, что автор повести символически приносит ее (женщину) в жертву ради спасения ее мужа (мужчины), подталкивая читателя к мысли, что обращение мужчины важнее, и его труднее достичь, чем обращение женщины. Содержательно (но не композиционно) центральный момент повести состоит в том, что именно ребенок, 12-летний мальчик Женя фактически побуждает семью Нью-Манов к вере в Бога. Он выполняет функцию миссионера-евангелиста и таким образом осуществляет большую и важную духовную задачу своей жизни – приводит «потерянную душу к обретению спасения во Христе». Он проявляет себя исключительно как носитель образа «идеального ребенка», сконструированного миром взрослых. Его естественная «детскость» как бы выходит за рамки этого образа, и, следовательно, за рамки рассказа. Женя почти никак не проявляет свою детскую аутентичность. Он не играет с другими детьми, не балуется, не нарушает правил, всегда покладист и занят преимущественно учебой, помощью родителям, молитвами и уроками духовной музыки, т.е. всем тем, что хотят от него взрослые. Этим он как бы вселяет им уверенность в том, что он вырастет «настоящим христианином». Все другие возможные проявления его личности автор, по всей видимости, находит либо неважными, либо потенциально вредными, поэтому не упоминает о них.

Еще одним важным аспектом жизни детей верующих в советские годы было то, что от них, как и от взрослых, ожидали переживания мистического опыта отношений с Богом. Ожидалось, что Бог будет отвечать на молитвы детей проявлением какого-то особого чуда. При этом практически любое событие повседневной жизни при определенном стечении обстоятельств можно было интерпретировать как чудо и ответ на молитвы. Детей приучали к мысли все события в своей жизни рассматривать как проявление Божьей милости и любви. В одном из номеров журнала «Вестник спасения» были опубликованы отрывки из детских писем, рассказывающие о том, в каких ситуациях Бог помогал детям после их молитв. Среди этих нарративов встречается такого содержания: «Когда мой папа был в тюрьме, к нам часто приходила верующая тетя Н. Я ее очень любил. Потом и ее забрали в тюрьму. Нам очень хотелось попасть на свидание, но она нам не родная. И мы молились, чтобы нас пропустили на свидание. Бог ответил на нашу молитву. Нам было очень хорошо, когда мы встретились» или: «Мне нужно было идти в магазин на станцию. Было уже темно. На улице у нас много собак, я сильно их боюсь. Я помолилась, чтобы собак не было. И их не было!»<sup>[31]</sup>

В общем и целом, сообщество евангельских христиан-баптистов помещало детей на достаточно значимое место как в богословско-интерпретационном дискурсе, так и в социально-церковной организации. Дети жили жизнью общины, были включены в процесс богослужения («поклонения Богу», «прославления Бога» и т.п.), воспринимались как важные носители религиозного мировоззрения и ценностей. Если учитывать, что, согласно евангельско-баптистскому видению, чувства больше всего побуждают человека к обращению, то умиление и сочувствие, которое способны вызывать дети, делало их в глазах церкви потенциально более эффективными миссионерами и благовестниками, чем взрослых. Это тоже поднимало ценность детей в глазах данного сообщества. С другой стороны, практики коллективных занятий в церкви содействовали созданию детской христианской среды, особой дружбе между детьми верующих, сплоченности общины в будущем. При этом, конечно же, воздействие церкви активно дополнялось воспитанием в семье.

## Дети в семье верующих

Верующие родители совместно с церковью-общиной должны были воспитывать детей «христианами», т.е. готовя их к сознательному обращению, покаянию или принятию Христа своим Господом. «В моем обращении, конечно, есть и заслуга моих родителей они постоянно за меня молились», – вспоминал пресвитер С.М. Шаптала<sup>[32]</sup>. Влияние родителей не ограничивалось молитвой. Семья традиционно была первичной средой социализации и адаптации ребенка к жизни.

<sup>[31]</sup> Вестник спасения. – 1974. – №1-2 (45-46). – С. 33.

<sup>[32]</sup> С.М. Шаптала. Советское детство верующего.

Понимание верующими родителями целей и методов воспитания в значительной мере, хотя и не полностью, определялось принятыми в среде евангельско-баптистского сообщества богословскими интерпретациями и обычными практиками. Ценность семьи как «домашней церкви», запрет на аборты и осуждение употребления контрацепции – все это было причиной распространенной многодетности баптистских семей. Однако многодетность была все же относительно умеренной. Наиболее распространенное количество детей на одну семью – от четырех до шести<sup>[33]</sup>, только в редких случаях – до десяти и больше. Многодетность во многом определяла быт верующих, в частности их особую приверженность частному сектору. Не только в селах и маленьких городках, но и в некоторых крупных урбанизированных районах верующие проживали преимущественно в своих домах, а не в квартирах<sup>[34]</sup>. Развитая традиция взаимной помощи и поддержки между членами общины помогала семье верующих в советском обществе обустроить довольно обширное автономное пространство. В нем и дети, и родители чувствовали себя относительно защищенными.

Одним из важных аспектов в воспитании, было распределение ролей родителей по гендерному признаку. Кто должен больше воспитывать ребенка: мать или отец? Кто фактически больше принимал участие в воспитании? Конечно, на такой прямой вопрос евангельский христианин-баптист ответил бы, нимало не сомневаясь, что оба. Однако в полных семьях, где оба родителя были верующими, легко заметить распределение обязанностей между отцом и матерью. Это отражалось, в том числе, и в процессе воспитания, и вообще во всей системе взаимоотношений, в которой вырастали дети. Отцу отводилась более значительная роль в воспитании детей, потому что именно он, по традиции, считался главой «домашней церкви». Роль матери – помогать отцу, в том числе в воспитании. Традиционной была ситуация, когда мать ухаживает за детьми, пока они маленькие, охраняет их от дурного влияния, готовит еду, стирает и убирает, и даже читает им книжки, но обучает «главным истинам» и тому, как их применять в жизни все же отец. Большое внимание уделялось молитве матери. Это социально пассивное действие толковалось как самое духовное и героическое из того, что мать могла и должна была делать для своих детей<sup>[35]</sup>. Мать должна была показывать пример послушания отцу, т.е. мужу. Такая модель поведения часто устанавливалась и поддерживалась самими женщинами, как образцовая, нормативная. Отец же должен был учить стратегически важным вещам: как непосредственно «служить

<sup>[33]</sup> Баптизм и баптисты. (Социологический очерк)./ Ред. М.Я. Ленсу, Е.С.Прокошина. – Минск: Изд-во «наука и техника», 1969. – С. 49; Белякова Н., Синичкин А. Коллективные практики типичной общины евангельских христиан-баптистов в позднесоветский период. Доклад на международной конференции «религиозные практики в СССР: выживание и сопротивление в условиях насиль-

ственной секуляризации», Москва, РГГУ, 16-18 февраля 2012 г.

<sup>[34]</sup> Панич О.І. Соціокультурні тенденції розвитку баптизму в Україні у 1960 – на початку 1990-х років.// Історія релігій в Україні. Науковий щорічник. Книга II. – Львів: “Логос”, 2006. – С. 414-420.

<sup>[35]</sup> Вестник истины. – 1977. – №4. – С. 36.

Богу», как реализовывать ключевые паттерны христианского поведения на практике во внешнем, враждебном, «антихристианском» мире. В мировоззрении ребенка и верующей семьи мать не изменяет мир, только обращается к другим (Богу, мужу) с просьбами об этом, отец же – изменяет, преображает его своими собственными усилиями, иногда даже борьбой<sup>[36]</sup>.

Поскольку гендерные роли в баптизме традиционно были распределены, то можно предположить, что в воспитании девочек матери все же должны были играть более значительную роль, чем мальчиков, и между ними устанавливались более доверительные, личные отношения. Но свидетельств этому немного. Кроме того, роль матери должна была возрастать, когда отец по какой-то причине отсутствовал. Например, был «в узах за дело Божье», т.е. пребывал в тюрьме за нарушение законодательства о культах, или был в разъездах, в подполье, на работе, умер и пр. Тогда на нее возлагался особый долг воспитывать детей, заменяя отца. Однако при этом отец как бы все равно был главным примером, который присутствовал в некоем виртуальном, духовно-символическом пространстве, в памяти своей семьи именно как глава и основной воспитатель. В конфессиональной литературе, отражающей ситуацию того времени, отец часто выступает в образе идеального «святого», «героя веры», «служителя Божьего», более значительном и достойном подражания, чем мать. «Идти по стопам отца» считалось «святым». Некоторые авторы с трепетом вспоминают о том, как они побывали в тех же местах ссылки, что и отцы<sup>[37]</sup>. Отец был символической фигурой, носителем духовной преемственности, восходящей к библейским образам апостолов и героев веры. Очень ярко этот мотив преемственности прослеживается в трилогии Н. Храпова «Счастье потерянной жизни».<sup>[38]</sup> Героическая фигура отца иногда буквально противостоит «обыденности», «вспомогательности» фигуры матери. Например, воспоминания дочери известного баптиста-диссидента Георгия Винса Натальи Винс изобилуют обширными рассказами об отце, его ярких, назидательных речах и поступках. Образ матери же обозначен скудными фразами типа: «После первых восторгов встречи мама идет на кухню готовить обед», «мама положила в карманы его куртки несколько головок чеснока, хотела еще добавить конфет, но папа остановил ее...», «Мама беспокоилась, успеем ли на последний автобус в Якутск».<sup>[39]</sup> В некоторых случаях мать все же запоминалась с детства как сильная и «духовная» личность<sup>[40]</sup>. Однако, в общем и целом «тенивое» или «кухонное» положение

<sup>[36]</sup> В некоторых случаях воспитанием детей занималась бабушка. Это существенно влияло на мировоззрение и видение места женщины в церкви и обществе. См., например воспоминания Натальи Винс: Винс Н. Рубежи детства. – Elkhart: Russian Gospel Ministries, 2000.

<sup>[37]</sup> Хорев М. Пишу вам, дети. // Вестник истины. – 1983. – №1. – С. 30.; Винс Г. Тропую верности. Третье издание. – Санкт-Петербург: Русская миссия благовестия «Библия для всех», 2003. – С. 177.

<sup>[38]</sup> Храпов Н. Счастье потерянной жизни. В 3 т. – Gummersbach: Missionwerk Friedensstimme, 2000.

<sup>[39]</sup> Винс Н. Рубежи детства. – С. 5, 9.

<sup>[40]</sup> Интервью автора с П.Д. Минаевым, 20 июня 2011 г., г. Донецк. (Интересно, что люди с такими воспоминаниями со временем, как правило, сравнительно более терпимо относятся к женщинам, имеющим активную жизненную позицию, признают за ними способность создавать общезначимые духовные и культурные ценности).

матери было обычным явлением и считалось нормальным в баптистских семьях. Оно было частью повседневного мира детства.

Попробуем также проанализировать, каким образом осуществлялось приобщение детей к духовно-религиозным ценностям в верующей семье. Прежде всего, следует отметить, что в дети активно приобщались к религиозным практикам, таким как молитва, чтение Священного Писания. В этом, по мнению взрослых, состоял залог успеха их будущей духовно-нравственной жизни. Самиздатовский евангельский журнал «Родители и дети» утверждал, что ключевые проблемы в жизни человека всегда коренятся в неправильном воспитании, а именно в том, что родители не уделяли достаточно времени совместной молитве и чтению Библии с детьми. «Семейная молитва – это своего рода первый опыт практического применения веры в жизни ребенка», – отмечали авторы журнала.<sup>[41]</sup>

Взгляд на духовное воспитание был, в общем, близок взгляду Яна Амоса Коменского, труды которого читали и конспектировали баптистские проповедники: «пусть дети приучаются к Богопочитанию бессознательно, приобретают в этом НАВЫК. Когда же они осознают, то им легче будет делать это. Если вы у детей не привьете привычек к Богопочитанию, то они все равно, обязательно (опять же бессознательно) приобретут другие привычки – или бесполезные, или даже вредные».<sup>[42]</sup> Ключевые определения, с помощью которых наиболее уместно характеризовать характер христианского воспитания евангельских христиан-баптистов, – это «навык», «привычка», «дисциплинированность». Благодаря этому молитва и чтение Библии для детей становилось чем-то привычным, само собой разумеющимся, даже обыденным, неизбежным элементом повседневности<sup>[43]</sup>. Это касалось, прежде всего, личной, и коллективной, семейной молитвы, например, перед едой, во время домашних собраний, перед принятием каких-то важных решений или в случае сложных ситуаций и жизненных трудностей.

Не менее важным было то, каким образом родители воспитывали своих детей. Распространенным было понимание, что родители должны показывать детям пример благочестивой жизни, искренне наследуя «библейские» образцы. Среди советов родителям, который предлагал журнал «Родители и дети», были, в частности такие:

- «1. Будь хорошим примером детям, не только, когда они тебя видят и слышат, но и когда они тебя не видят и не слышат.
2. Если видишь недостатки у детей – испытай твое состояние, твои поступки, твои желаня и стремления.

<sup>[41]</sup> Родители и дети. – 1976. – №1, январь. – С. 17.

<sup>[42]</sup> Конспект А. Прокофьева (Выдержки из книги Я.А.Коменского «Избранные педагогические сочинения» 1955 года издания, приблизительно время составления – конец 1950х – начало 60х гг., подчеркнуто А.Прокофьевым)

// Личный архив Л.Прокофьевой, г. Донецк.

<sup>[43]</sup> О значении термина см. более детально: Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий. // Социологическое обозрение. Том 2. – № 1. – 2002. – С. 42-70



3. Находя в себе недостатки, грехи, преступления, – сначала исправь себя, а потом старайся исправить детей.

4. Если Господь управляет тобой, тогда только ты можешь управлять детьми...»<sup>[44]</sup>

В этом контексте пример родителей действительно имел исключительное воспитательное значение и во многом определял будущую роль ребенка в церкви. Пресвитер Сергей Михайлович Шаптала вспоминал:

*«Самое большое влияние на меня в моем воспитании оказала любовь и справедливость моих родителей, живая вера и посвященная жизнь Господу. Отец меня с семилетнего возраста часто брал в поездки, когда он должен был ехать по служению церкви, знакомил и давал возможность общаться с братьями-служителями и их семьями. В нашем доме часто бывали братья служителя... Некоторые братья жили у нас по несколько недель. Были такие моменты, когда они беседовали со мной, иногда помогали даже выполнять задания в школу... Я часто присутствовал на общениях братьев, которые проходили в неофициальной обстановке, слышал их высказывания, рассуждения по разным вопросам. В основном это были рассуждения по библейским вопросам. Возможно, они считали, что я не вникаю в их рассуждения, что я нахожусь среди них потому, что отцу меня негде оставить, и он вынужден был взять меня с собой. Но это была стратегия моего отца в моем воспитании. Для меня это было хорошей школой»<sup>[45]</sup>.*

Одним из любимых мотивов советской атеистической пропаганды были рассуждения о чрезмерной суровости и даже жестокости верующих к своим детям, которую они оправдывали ссылками на Библию<sup>[46]</sup>. О том, что определенные толкования Писания и христианской этики могут служить мотивами к насилию, в том числе в семье, отмечают также психологи и антропологи, например: «в Библии содержится около двух тысяч упоминаний о детях. Среди них многочисленные сцены принесения детей в жертву, побивания их камнями, просто избиения; многократно подчеркивается требование любви и послушания детей, но нет ни одного намека на сочувствие к детям и понимание детских переживаний».<sup>[47]</sup> Фактов жестокости над детьми из-за мотивов религиозного воспитания в среде евангельских христиан-баптистов нельзя отрицать, хотя о них имеются лишь фрагментарные сведения. Однако насилие не считалось нормой. Показательным примером рассуждений на

<sup>[44]</sup> «Родители и дети». – С. 21.

<sup>[45]</sup> С.М. Шаптала. Советское детство верующего.

<sup>[46]</sup> Атеистические авторы повествуют о том, что в жизни детей верующих было намного больше запретов, чем у обычных детей. Им нельзя было ходить в кино, в театры, на концерты, запрещалось играть со сверстниками их неверующих семей. По всей видимости, такого рода ограничения действительно были распространены. См.: Баптизм и баптисты. (Социологический очерк)./ Ред. М.Я. Ленсу,

Е.С. Прокошина. – С. 145; Каушанский П.Л. С претензией на истину: О взглядах и деятельности экстремистов от баптизма. – Одесса: Маяк, 1988. – С. 196-199; Паутин П. Дом с закрытыми ставнями. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1975. – 149 с.

<sup>[47]</sup> Носко И.В. Детство как психосоциокультурный феномен // Социальная работа в Сибири. Сборник научных трудов. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004 – С. 118 – 132.(127) [<http://hpsy.ru/public/x2624.htm> ]

тому воспитания является поучительная история в христианском журнале о том, как сын благочестивого отца пришел домой пьяным<sup>[48]</sup>. Наратив повествует, что отец в порыве негодования сначала выгнал сына из дома, но потом одумался, нашел его, попросил прощения и пригласил вернуться домой. История заканчивается совместной молитвой отца и сына, в ходе которой они оба совершают покаяние перед Богом – отец за то, что неправильно воспитал, «наставил» своего сына, а сын – за свой безнравственный поступок. Этот идеализированный случай имеет символическое значение.

Пьянство для ЕХБ традиционно считалось одним из наиболее существенных грехов. Это связано с тем, что оно было распространено в той среде, откуда евангельские христиане-баптисты обычно привлекали неопитов. Если считать пьянство определенной формой социального поведения, то для формирования баптисткой культуры в советское время оно осуществляло исключительно важную функцию. Это был тот порок, отказавшись от которого верующий наиболее очевидно и весомо мог продемонстрировать свое духовное изменение, «рождение свыше», которое должно было наступить в результате обращения к Богу. Свидетельства верующих изобилуют рассказами о людях, которые отказались от употребления спиртного под воздействием «преображающей благодати Божьей»<sup>[49]</sup>. Более того, в среде верующих обычно было принято считать, что если человек отходит от Бога, он почти наверняка станет пьяницей. Пьянство определенно свидетельствовало о «греховности», «падении» мира, с одной стороны, и о моральном и духовном преимуществе верующих, с другой. Трезвость, наряду с честностью, в советское время составляла основу символического капитала баптистов, который помогал им в основной массе быть трудоустроенными и не оказаться совершенно исключенными из социума. Потерять это преимущество означало в определенной мере дискредитировать сообщество, поэтому употребление алкоголя, даже в незначительных дозах, всегда интерпретировалось как «отпадение от Церкви и от Бога». Любовь к алкоголю – это также признак «любви к миру», приверженности к «мирским удовольствиям», т.е. отход от «дружбы со Христом». Пьянство считалось одним из неотъемлемых атрибутов жизни мирского человека, наряду с посещениями театра, кино, концертов, участием в других развлекательных мероприятиях. Поэтому в это время устоялось мнение, что верующий человек должен был избегать этих «увеселительных» занятий и «развращающих зрелищ», и соответственно воспитывать своих детей.

В данном случае рассказ определяет нормативное поведение родителя-христианина в случаях серьезного проступка, «непослушания» его ребенка. По сути, любовь, милосердие, прощение утверждаются в нем как более легитимные ценности родительских отношений, чем наказание, суровость, жестокость.

Следует иметь в виду, что в среде евангельских христиан-баптистов «поислушные и любящие Господа» дети служили авторитету родителей в церкви. У отца таких детей было намного больше шансов стать пресвитером

<sup>[48]</sup> «Родители и дети». – С.18-19.

<sup>[49]</sup> Из личных наблюдений автора.

общины<sup>[50]</sup>, к его мнению прислушивались чаще. Значительным авторитетом пользовалась также и мать таких детей. В условиях, когда любое социальное продвижение в атеистическом обществе для верующих было практически недостижимо, завоевание авторитетных позиций в церкви-общине приобретало особое значение. Одновременно и воспитание детей «в христианском духе» становилось для родителей отдельным социально и личностно значимым проектом, от успеха которого зависела их самооценка и положение в сообществе. Переживание этого факта родителями делало их более эмоциональными, напряженными, и соответственно склонными к авторитарности и насилию в процессе общения с «непослушными» детьми. С другой стороны, следует также иметь в виду, что авторитет родителей сообщался и детям. У детей верующих родителей, а тем более служителей церкви, было больше шансов в будущем занять лидирующие позиции в общине. Они, в отличие от новообращенных, всегда воспринимались как «свои», т.е. естественные носители евангельско-баптистского мировоззрения.

Еще одним важным аспектом родительского воспитания было то, что детям с самого нежного возраста прививали мысль об их исключительности, избранности на фоне неправильности и враждебности «внешнего мира». Родители откровенно стремились приучить детей к мысли, что они «особенные», «другие» и чужие в этом обществе, что они принадлежат к «преследуемым за веру» и должны следовать примеру своих родителей, героически отстаивая свои взгляды. Их фактически готовили к участи героев и мучеников. Внешние обстоятельства этому содействовали, о чем более детально будет сказано позже. Характерной иллюстрацией этому служит эпизод, зафиксированный в справке уполномоченного Совета по делам религий в Донецкой области П. Киселева о посещении им баптистки Дины Михайловны Гордиенко (г. Горловка, январь 1977 года):

*«Я попросил хозяйку, чтобы дети вышли в другую комнату... [Она ответила:] Поскольку разговор будет идти о религии, то дети никуда не пойдут, пусть сидят и слушают, каким притеснениям мы всю жизнь подвергаемся за то, что верующие.»<sup>[51]</sup>*

Интересно, что для воспитания детей баптисты использовали не только христианские, но и советские героические символы героизма и самопожертвования. Об этом говорит, например, стихотворение «Христианский орленок». Баптистский проповедник и поэт Евгений Никифорович Пушков написал его, адресуя своему сыну, который присутствовал во время того, как сам Пушков был захвачен советской милицией во время несанкционированного богослужебного собрания:

«...взял он руку отца, к ней прижался, как мог,  
Крепко-крепко, что было силенок,  
И услышал: «Тобой я доволен, сынок!»

<sup>[50]</sup> Обосновывалось местами Св. Писания: Тимофею 3:12; Титу 1:5-6.

<sup>[51]</sup> Государственный архив Донецкой области, Ф. Р-4021, оп.1, д. 269, лл. 168-169.

Верный мой христианский орленок!»...  
Кто-то грубо от сына отца отстранил,  
Повели его, в спину толкая.  
«Не рыдай, мой орленок, крепись, что есть сил,  
Христианская доля такая...».<sup>[52]</sup>

В общем и целом, воспитание в христианской семье не ограничивалось только религиозным сегментом. Оно включало в себя более целостное развитие личности ребенка, однако это не делало его менее христианским. Кроме того, даже при сохранении некоторыми семьями верующих довольно высокой степени социальной автономии, их дети не были изолированными от влияний различных других социализирующих факторов, в частности, государственной политики, школы и общества.

### Дети верующих и советское общество

Благодаря тому, что советское государство воспринимало воспитание детей как сферу своего монопольного влияния<sup>[53]</sup>, в 1960х-80х гг. дети евангельских христиан-баптистов оказались на острие политической борьбы. Формально закон не запрещал воспитание родителями собственных детей в религиозном духе, при условии, что это происходит в домашних условиях и с обоюдного согласия родителей. Однако не было предусмотрено, что родители могут желать присутствия своих детей в церкви, во время богослужений, в воскресных школах и детских христианских лагерях. Государственные чиновники с озабоченностью повествовали о том, что среди всех христианских конфессий именно евангельские христиане-баптисты оказались наиболее активными в отстаивании своего права на религиозное воспитание детей в широком понимании этого слова.<sup>[54]</sup>

Сегодня сложно измерить уровень давления на детей верующих в советском обществе, однако можно констатировать, что речь идет о спектре – от сильного до умеренного. Прежде всего, на детях отражались репрессии против их родителей. Наибольшему давлению в позднее советское время традиционно подвергались верующие подпольного крыла евангельско-баптистского братства – сторонники Совета Церквей, которые откровенно боролись против советского законодательства о религиозных культах. Их бескомпромиссность откровенно раздражала и вызывала ненависть у властей<sup>[55]</sup>. Они создали эффективную систему сбора и распространения информации о преследовании верующих в СССР, благодаря которой мы имеем более-менее достоверные сведения и о детях евангельских христиан-баптистов. Особен-

<sup>[52]</sup> Вестник истины. – 2008. – №4-5. – 3 с. обл.

<sup>[53]</sup> См.: Ромашова М. В. Советское детство в 1945 – середине 1950-х гг.: государственные проекты и провинциальные практики.

<sup>[54]</sup> Гольст. – С. 91.

<sup>[55]</sup> Заватски В. Евангелическое движение в СССР после Второй мировой войны. – С.182-

230; Никольская Т. Русский протестантизм и государственная власть в 1905-1991 годах. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. – С. 227-242; Лахно О. П. Церковна опозиція Євангельських християн-баптистів в Україні (1940-1980-ті роки). – С. 98-146.

но активно работал в этом направлении Совет родственников узников евангельских христиан-баптистов – подпольная общественная организация, состоящая в большинстве своем из многодетных матерей.

В бюллетенях и посланиях Совета родственников узников описываются случаи нарушения прав детей верующих. В частности, подсчитано, что за период с 1961 по 1970 год 390 детей верующих родителей подвергались допросам прокуратурой и милицией в связи с религиозной деятельностью их родителей<sup>[56]</sup>. Для вызова на допросы часто использовались обманные поводы, во время допросов применялись запугивание, угрозы, моральное давление. Физическое насилие представители государственных органов власти к детям, как правило, не применяли, однако поощряли насилие со стороны учителей и сверстников. Интересно, что целью допросов детей было, в частности, получение информации, позволяющей обосновать насильственное принуждение их родителями к религиозной деятельности. Детей фактически пытались заставить свидетельствовать против своих родителей. Для родителей, конечно же, было важно, чтобы их дети не разглашали никакой информации о церковной жизни, несмотря на то, что последняя, как мы уже видели, практически стала частью их, детского, повседневного опыта. В этом отношении ребенок верующих родителей попадал в сложные условия выбора, когда любой его поступок отражал предельность существования его как личности. В этих условиях формировались его представления о «любви», «верности», «предательстве», «честности», «вере».

Пресвитер из Одессы Николай Бойко в своих воспоминаниях рассказывает о том, как его дети вели себя на допросе, куда их вызывали в связи с обвинениями его в подпольной религиозной деятельности:

*«... После очередного допроса они взяли с брата подписку, что он приведет моих детей в прокуратуру для допроса в присутствии учительницы. Он, не распознав коварства, привел троих старших (Люду – 11 лет, Веру – 10 лет и Павлика – 9 лет)... Люду ввели в кабинет для допроса. Слышно было, что она все время плакала и твердила: «Мой папа хороший! Мой папа хороший!». Когда ее выводили из кабинета, она как-то беспомощно обмякла и не могла идти. От переживаний и нервного напряжения, по-видимому, отнимались ноги... Вторая дочь, Вера, по-детски не сознавая серьезности обстановки, все время усмехалась на допросе, ничего не говорила и ни на что не соглашалась. Ее угощали конфетами, обещали купить красивые туфли, только бы она сказала, что папа представлял их ходить на собрания...»<sup>[57]</sup>*

Как видно из этого нарратива, для отца, кроме его естественного сопереживания своим малолетним детям, было важно, чтобы они «ничего не говорили» и «ни на что не соглашались». Не сложно представить, что повседневная жизнь такой семьи протекала в тревожной атмосфере, ее покой в любой

<sup>[56]</sup> Архив научно-просветительского центра «Мемориал» (г. Москва), Ф.158: «Напоминание Правительству СССР о положении баптистов, 13 декабря 1970 г.», АС № 871. – С. 41.

<sup>[57]</sup> Бойко Н.Е. Верю в бессмертие. Автобиографический очерк. – М: Изд-во «Христианин», 2007. – С. 64-65.

момент мог быть нарушен вторжением со стороны органов власти. В этих условиях ребенок должен был быть воспитан в духе особой *любви* и *верности* отцу, которого нужно было *не предать* в трудную минуту жизни, и при этом не *солгать*, быть *честным* перед Богом. В этом должна была проявиться его, ребенка, личная *вера* в Христа. В такой атмосфере ребенок с детства должен был воспринимать государство и законные власти как «врагов народа Божьего» и источник непредсказуемого насилия. В конечном итоге, привычка не доверять государственной власти и осуждать ее укоренялась у верующих с самого детства.

На самом деле в позднее советское время насилие по отношению к верующим и их детям не имело массового характера. Например, по данным Совета Церквей евангельских христиан-баптистов, всего лишь 30 семей пострадали от лишения родительских прав<sup>[58]</sup> в 1960е-80е годы. Однако постоянно существовавшая угроза такого лишения, как и другого рода притеснений, производила тяжелый психологический эффект, создавала атмосферу тревожности и неуверенности.<sup>[59]</sup>

Не менее важным было то, что детский опыт и детские переживания становились орудием в политическом противостоянии. Обращения Совета родственников узников пестрят красочными описаниями трагических судеб детей верующих. В Бюллетене Совета 1970 года был опубликован ряд обращений детей к правительству СССР под рубрикой «Голос детей узников». Перечень просьб, с которыми обращаются дети, отражает нужды не столько самих детей, сколько религиозного сообщества в целом. Это требования свободы вероисповедания, изменения политики по отношению к церкви, освобождения заключенных за веру, свобода публичной проповеди (например, просьба разрешить проповедь Билли Греема в Лужниках и работу радиостанций, транслирующих христианских проповедников). Иногда «голос детей узников» озвучивал откровенные призывы к покаянию. Политический подтекст и проповедническая риторика оказывалась частью детской речи. Например, Павлик Л. обращался к правительству с такими словами: «Когда я закончил восемь классов, мне написали очень плохую характеристику, но я благодарил Бога за то, потому что «люди Христа отвергают, если я ими гоним, значит, они подтверждают то, что бываю я с Ним». Нашему правительству я хочу сказать, что Бог их любит и желает и их спасти, мы прощаем им все. Чтобы в школах на уроках изучали Библию. Чтобы великие проповедники могли свободно приезжать к нам проповедывать<sup>[60]</sup>, чтобы люди получили прощение грехов. Чтобы всех узников освободили. Что напрасно они борются с тем, кого никто не победит. Для Слова Божьего нет уз. Что на место наших отцов, находящихся в узах, встанут их дети и продолжат начатое ими дело»<sup>[61]</sup>. Из специфически детских нужд и проблем дети просили дать

<sup>[58]</sup> Из письма В.М. Хорева автору. От 1 марта 2012 г.

<sup>[59]</sup> Заватски В. Евангелическое движение в СССР после Второй мировой войны. – М:

«ИЦ-Гарант», 1995. – С.348-349.

<sup>[60]</sup> Так в тексте.

<sup>[61]</sup> Бюллетень Совета родственников узников. – 1970. – №13. – С.10.

им возможность в будущем учиться в вузе, что для верующих в то время было почти недоступно, а также прекращения притеснений в школе.

Школа была одним из наиболее ярких очагов давления на детей из верующих семей в позднее советское время. Ее воспитательное значение, в общем и целом, больше всего соответствовало стратегическим задачам политики «научного атеизма»<sup>[62]</sup>. Школьные учителя были носителями идеологических установок советского государства, в частности, атеистических. Они были призваны транслировать и закреплять эти установки в мировоззрении подрастающего поколения советских граждан. С этой целью они также подвергались ощутимому давлению со стороны партийных и силовых органов власти, которые требовали от школы весомого содействия в процессе искоренения религии. От нравственного и интеллектуального уровня учителя во многом зависело то, насколько травматичным будет школьный опыт ребенка из верующей семьи. Учитель мог защитить ребенка, стать ему другом, сочувствуя его переживаниям, но мог и манипулировать, зная его повседневную жизнь и привычки, угнетать, например, настраивая против него детский коллектив. По данным, собранным Советом родственников узников, учителя чаще всего фигурируют как лица, которые организовывали допросы детей, буквально выманивая их из дома под разными предлогами, сознательно занижали оценки и характеристики детям верующих, участвовали в их травле и публичном унижении<sup>[63]</sup>.

Одной из самых травматических ситуаций для баптистских детей была ситуация, связанная со вступлением в пионеры. Галстук был важным символом, маркером советской идентичности. Его, в числе прочих символов, активно использовали во внеклассной воспитательной работе, во время торжественных мероприятий ритуального характера. Это имело целью пробуждать у школьников патриотические чувства к «первому в мире» советскому государству, а также способствовать сплочению детского коллектива<sup>[64]</sup>. Многие верующие, для которых внешние символы были очень значимы как единственный доступный для них способ маркировать свою христианскую идентичность, были чувствительны к этому символу и его не принимали. Для тех родителей, которые лояльно относились к советским ритуалам, вопрос вступления их детей в пионеры был трудноразрешимым выбором, потому что религиозное сообщество, особенно сторонников Совета Церквей, осуждало эту практику, как антихристианскую<sup>[65]</sup>. Это отражалось на их детях непосредственно. Детям объясняли, что пионерская организация – атеистическая и безбожная, что, собственно говоря, соответствовало правде. И в этом отно-

[62] Dunstan, John. "Soviet Schools, Atheism and Religion" in *Religious Policy in Soviet Union*. Ed. by Sabrina Petra Ramet (Cambridge: Cambridge University Press, 1993):158-185.

[63] Архив научно-просветительского центра «Мемориал» (г. Москва), Ф.158: «Совет родственников узников ЕХБ, Обращение У-ТАНУ и др. о преследовании баптистов в

СССР, 13 июня 1967 г.», АС № 801. – С. 18-24.

[64] Использование Государственных символов СССР в воспитательной работе: Сб. ст.: Из опыта работы / Сост. Г.Н. Абросимова, В.В. Берман. - М.: Просвещение, 1987. - С. 159.

[65] Интервью автора с С.М. Шапталой, 01.03.2010 г.

шении ребенок фактически подвергался давлению с двух сторон: родителей, которые запрещали или не одобряли ношение пионерского галстука, и школы, которая осуждала такое поведение. Характерный эпизод описывает С. М. Шаптала:

*«...было принудительное одевание галстуков и унижение среди сверстников. Мне рассказали как один отец, чтобы защитить своего сына от таких унижений, взял галстук и написал на нем текст из Библии «Бог есть любовь». Когда его сын в таком галстуке пришел в школу, учительница, видя, что баптист пришел в галстуке, решила, что она победила. Но когда во время урока дети начали ухмыляться и смеяться, она заинтересовалась причиной такого поведения. Дети показали на спину баптиста, и она к своему ужасу прочитала на галстуке написанные слова из Библии «Бог есть любовь». После этого случая она уже никогда не пыталась заставить его носить галстук...»<sup>[66]</sup>.*

О давлении на нее со стороны учителей и одноклассников из-за отказа вступить в пионеры, повествует также Наталья Винс<sup>[67]</sup>.

Есть основания утверждать, что дети верующих чувствовали себя особенными в школьном, как и любом другом детском коллективе, в котором они составляли меньшинство. Их выделяли благодаря подчеркнутому вниманию со стороны учителей и других взрослых, а также из-за очевидной разницы в воспитании. В связи с этим возникали особые трудности социализации в таком коллективе. Дети воспринимались как «другие», «чужие», что было отражением восприятия в обществе их родителей.<sup>[68]</sup> В отношении таких детей регуляторные конвенциональные нормы, обычно бытующие в детской субкультуре, нарушались<sup>[69]</sup>. По отношению к таким детям можно было проявлять несанкционированные действия, за которые не следовало моральной ответственности. В крайних случаях их избивали одноклассники в силу самых разнообразных поводов или даже без них, понимая, что за такие поступки не предстоит никакого наказания. Яркую картину такого детства описывает один из сторонников Совета Церквей Владимир Хайло<sup>[70]</sup>, повествующий о жизни своих детей. Примечательно, что за одним из его сыновей, Сашей, в среде школьников закрепилось прозвище «упырь». Как известно, клички и прозвища – это обычное явление в детской и подростковой среде. Они особенно распространены среди мальчиков и «являются диагностическим и оценочным средством, индикатором любви/нелюбви в коллективе»<sup>[71]</sup>, а также признаком места ребенка в группе, своего рода «титолом». Не сложно увидеть,

<sup>[66]</sup> С.М. Шаптала. Советское детство верующего.

<sup>[67]</sup> Винс Н. Рубежи детства. – С. 24-25.

<sup>[68]</sup> Панич О.І. Міф про баптистів у радянському суспільстві 1950-1980-х рр.: марновірство і пропаганда // Український історичний журнал. – 2011. – №3. – С. 123-142.

<sup>[69]</sup> Якобсон С.Г. Психологические проблемы этического развития детей. // Возрастная психология: Детство, отрочество, юность:

хрестоматия / Сост., ред. В.С. Мухиной, А.А. Хвостова. – М.: Академия, 2007. – С. 196-199.

<sup>[70]</sup> Архив научно-просветительского центра «Мемориал» (г. Москва), Ф.158: Хайло В. Записки верующего, 20.07.1974 г., АС №2170. – С. 23-25.

<sup>[71]</sup> Майорова-Щеглова С.Н. Детская субкультура – неинституционализированный сектор детства, с.4. [http://www.childsoc.ru/doc/child\_sub\_kult.pdf ]



что ассоциация с упырем в среде подростков является индикатором нелюбви, неприятия, отвержения. Кроме этого, следует иметь в виду, что слово «упырь» имеет символическое и семиотическое значение. Символически такое название в советское время чаще всего обозначало человека, ведущего паразитический образ жизни. Такого рода определения часто использовались атеистической пропагандой для характеристики верующих. Однако для детского сознания это вряд ли было существенно<sup>[72]</sup>. Идентификация баптиста с упырем в детской среде, по всей видимости, была вызвана наслоением на жизненный опыт сказочно-мифологической структуры. Упырь – это мифологическое существо, о котором повествуют многие сказки и другие фольклорные источники. В семиотическом пространстве мифа упырь не является живым человеком, но пребывает как бы на стыке, на границе между миром живых и миром мертвых<sup>[73]</sup>. Он – представитель мира «чужих», временно появляющийся в мире «своих». Эта кличка отразила стихийно возникшее в детской среде представление о баптистских детях как «чужих», «живущих неправильной жизнью», «не таких, как все», а следовательно, «воплощении зла» или находящихся на грани между добром и злом. Место этого ребенка из верующей семьи, по всей видимости, было весьма зыбко, неустойчиво, до конца не понятно другим членам школьно-уличного коллектива. Он не вызывал стабильного доверия и уважения. По отношению к нему можно проявлять подлость, обман, насилие или вообще исключать из группы на определенное время. Все это имело место в детстве Александра Хайло, судя по воспоминаниям его отца.

Конечно, случай А. В. Хайло принадлежит к разряду «крайних». Существовали многочисленные случаи более позитивного, мирного и творческого опыта взаимодействия с окружающим миром детей евангельских христиан-баптистов<sup>[74]</sup>. Однако примирить объективно существующие и субъективно возникающие противоречия советской реальности детскому сознанию было предельно сложно. Только при надежной поддержке со стороны семьи и церкви-общины ребенок мог преодолеть психологические травмы и вырасти морально здоровой, психологически устойчивой и социально адаптированной личностью. Естественно, что он при этом оказывался приспособленным преимущественно к среде верующих, т.е. становился полностью «воцерковленным» человеком. Образцовый пример такой адаптации – жизнь Натальи Винс. Будучи ребенком, Наталья чувствовала себя отвергнутой в школьном коллективе, подвергалась насмешкам со стороны учителей, была исключена из медицинского училища. Однако заботливое внимание семьи, близость верующих друзей и наставников, активная включенность во внутрицерковные проекты («пребывание в служении») помогли ей легитимиро-

<sup>[72]</sup>См.: Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. - СПб. и др.: Питер, 1999. - 278 с.

<sup>[73]</sup> Байбурин А.К. Ритуал: свое и чужое. // Фольклор и этнография. Проблемы рекон-

рукции фактов традиционной культуры. – Л.: «Наука», 1990. – С. 3-17.

<sup>[74]</sup> Ярким примером такого «счастливого» детства является личная история Павла Дмитриевича Минаева.

вать, объяснить и оправдать ее детский негативный опыт, поместить его в четко структурированную картину мира. Особую роль при этом играл тот факт, что она всю жизнь чувствовала себя сопричастной авторитету своего отца Георгия Винса и бабушки Лидии Винс<sup>[75]</sup>. Эти люди были диссидентами, активными борцами за права верующих в СССР, а в глазах баптистского сообщества – уважаемыми служителями церкви и «героями веры». Судя по ее воспоминаниям, Наталья с самого детства верила, что своими усилиями помогает им совершать их подвиг<sup>[76]</sup>.

В общем и целом, мы можем констатировать, что распространенное в советском обществе неприязненное отношение к евангельским христианам-баптистам отражалось на их детях особым образом. Такие дети пребывали под пристальным вниманием не только родителей и церкви-общины, но и советских воспитательных институций. Их личная жизнь, повседневные привычки и потребности могли стать орудием, используемым в политическом противостоянии между баптистским сообществом и государственными властями. Это, с одной стороны, делало детей морально уязвимыми, ставило их перед сложным нравственным и духовным выбором. Но с другой стороны, поддерживало в них чувство собственной важности, исключительности, причастности к чему-то значительному.

## Заключение

Детство – важный феномен социальной жизни. Прежде всего, это период, когда человек усиленно социализируется, познает мир, усваивает принятые в современном ему обществе нормы, ценности, установки. Те модели взаимоотношений и представления, с которыми человек привык сталкиваться в детстве, в течение всей его последующей жизни будут казаться ему нормальными, обычными, а значит, в основе своей правильными. Поэтому общественно-воспитательные институты, такие как семья, школа, церковь усиленно стремятся влиять на детей, чтобы привить им определенный, обоснованный ими, легитимный в обществе взгляд на мир. Однако влияние этих институтов иногда противоречиво, и, как следствие, травматично для ребенка. Яркий пример таких взаимоотношений – это детство евангельских христиан-баптистов позднего советского времени. Дети верующих росли в условиях систематического внушения им противоречивых, иногда взаимоисключающих представлений и ценностей, восходящих к различным мировоззренческим системам – христианско-евангельской и государственно-атеистической. Борьба между государством «научного атеизма» и баптистским сообществом за влияние на подрастающее поколение отражалась на повседневной жизни детей верующих и на формируемой ими и вокруг них субкультуре детства.

---

<sup>[75]</sup> Георгий Петрович Винс был секретарем Совета Церквей евангельских христиан-баптистов, Лидия Михайловна Винс в 1965-

1979 гг. возглавляла Совет Родственников узников.

<sup>[76]</sup> Винс Н. Рубежи детства.

Практика религиозного воспитания детей в среде евангельских христиан-баптистов в 1960е-80е годы сводилась к обучению детей специфически конфессиональному пониманию духовности и святости, привлечению их к богослужению и передаче навыков поведения в обществе, откровенно враждебном по отношению к религии вообще и к «сектантской вере» в частности. Воспитание было нацелено на формирование умения защищать свою веру и распространять ее. В нем принимали участие и семья верующих и церковь-община. Они составляли ближайшее окружение ребенка и успешно конкурировали с советской школой.

В условиях антирелигиозного давления государственных институтов, прежде всего школы, дети верующих оказывались в атмосфере политизации их повседневной жизни, социального одиночества в рамках детского коллектива, а также часто сталкивались с необходимостью делать сложный моральный выбор. Это давало им чувство собственной уязвимости и исключительности одновременно. При таких обстоятельствах они становились более эмоционально зависимыми от поддержки ближайшего семейного окружения, а также от той социальной среды, которую им помогала организовывать церковь-община. Таким образом, политика «научного атеизма» косвенно содействовала росту влияния церкви на жизнь и становление таких детей.

## Библиография

- Абраменкова В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2000.
- Байбурун А.К. Ритуал: свое и чужое. // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. – Л.: «Наука», 1990. – С. 3-17.
- Баптизм и баптисты. (Социологический очерк)./ Ред. М.Я. Ленсу, Е.С.Прокошина. – Минск: Изд-во «Наука и техника», 1969.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995.
- Бойко Н.Е. Верю в бессмертие. Автобиографический очерк. – М: Изд-во «Христианин», 2007.
- Винс Г. Тропойю верности. Третье издание. – Санкт-Петербург: Русская миссия благовестия «Библия для всех», 2003.
- Винс Н. Рубежи детства. – Elkhart: Russian Gospel Ministries, 2000.
- Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий. // Социологическое обозрение. Том 2. – № 1. – 2002. – С. 42-70.
- Гірц К. Інтерпретація культур. Вибрані есе. – К.: Дух і Літера, 2001. – С. 104-150.
- Гольст Г.Р. Религия и закон. – М.: «Юридическая литература», 1975.
- Заватски В. Евангелическое движение в СССР после Второй мировой войны. – М: «ИЦ-Гарант», 1995.
- Использование Государственных символов СССР в воспитательной работе: Сб. ст.: Из опыта работы / Сост. Г.Н. Абросимова, В.В. Берман. – М.: Просвещение, 1987.
- История баптизма. Сб. под ред. С.В. Санникова. – Одесса: «Богомыслие», 1996.
- Каушанский П.Л. С претензией на истину: О взглядах и деятельности экстремистов от баптизма. – Одесса: Маяк, 1988.
- Корнилова В.В. Особое состояние развития – детство // Практична психологія та соціальна робота. – 2009. – № 12. – С. 71-73.
- Лахно О. П. Церковна опозиція Євангельських християн-баптистів в Україні (1940-1980-ті роки). – Полтава:

- Друкарська майстерня, 2009.
- Майорова-Щеглова С.Н. Детская субкультура – неинституционализованный сектор детства [http://www.childsoc.ru/doc/child\_sub\_kult.pdf]
- Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения. – М.: Наука, 1988.
- Никольская Т. Русский протестантизм и государственная власть в 1905-1991 годах. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009.
- Основные принципы веры евангельских христиан-баптистов. Сборник публикаций. – Elkhart: Russian Gospel Ministries, 1992.
- Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. – СПб. и др.: Питер, 1999.
- Носко И.В. Детство как психосоциокультурный феномен // Социальная работа в Сибири. Сборник научных трудов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004 [http://hpsy.ru/public/x2624.htm]
- Павленко В.Н., Ваннер К. Особенности психологии евангельских христиан-баптистов. // Вопросы психологии. - 3004. – №5. – С. 72-86.
- Панич О.І. Міф про баптистів у радянському суспільстві 1950-1980-х рр.: марновірство і пропаганда // Український історичний журнал. – 2011. – № 3. – С. 123-142.
- Панич О.І. Соціокультурні тенденції розвитку баптизму в Україні у 1960 – на початку 1990-х років. // Історія релігій в Україні. Науковий щорічник. Книга II. – Львів: «Логос», 2006. – С. 414-420.
- Паутин П. Дом с закрытыми ставнями. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1975.
- По пути возрождения. – М.: Изд-во «Христианин» СЦ ЕХБ, 1989.
- Ромашова М. В. Советское детство в 1945 – середине 1950-х гг.: государственные проекты и провинциальные практики (по материалам Молотовской области). Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. - Пермь: Пермский государственный университет, 2006.
- Савинский С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии. В 2 ч. – СПб.: «Библия для всех», 1999.
- Хорев М. Пишу вам, дети. // Вестник истины. – 1983. – № 1. – С. 30.
- Храпов Н. Счастье потерянной жизни. В 3 т. – Gummersbach: Missionwerk Friedensstimme, 2000.
- Якобсон С.Г. Психологические проблемы этического развития детей. // Возрастная психология: Детство, отрочество, юность: хрестоматия / Сост., ред. В.С. Мухиной, А.А. Хвостова. – М.: Академия, 2007. – С. 196-199.
- Dunstan, John. «Soviet Schools, Atheism and Religion» in Religious Policy in Soviet Union. Ed. by Sabrina Petra Ramet (Cambridge: Cambridge University Press, 1993):158-185.
- Lofland, J. and Skonovd, N. 'Conversion motifs', Journal for the Scientific Study of Religion, (1981), 20, pp. 373-85.
- Popov Alexander, The Evangelical Christians-Baptists in the Soviet Union as a hermeneutical community: examining the identity of the All-Union Council of the ECB (AUCECB) through the way the Bible was used in its publications. The thesis is submitted for the degree of Doctor of Philosophy. University of Wales, International Baptist Theological Seminary, Prague, 2010, pp. 253-263.
- Paloutzian, R.F., Richardson, J.T. and Rambo, L.R. 'Religious conversion and personality change', Journal of Personality, (1999), 67, 6, pp. 1047-1079.
- Rambo, L.R. Understanding Religious Conversion (New Haven, Yale University Press, 1993);
- Shils, Edward, Tradition (Chicago: University of Chicago Press, 1981).